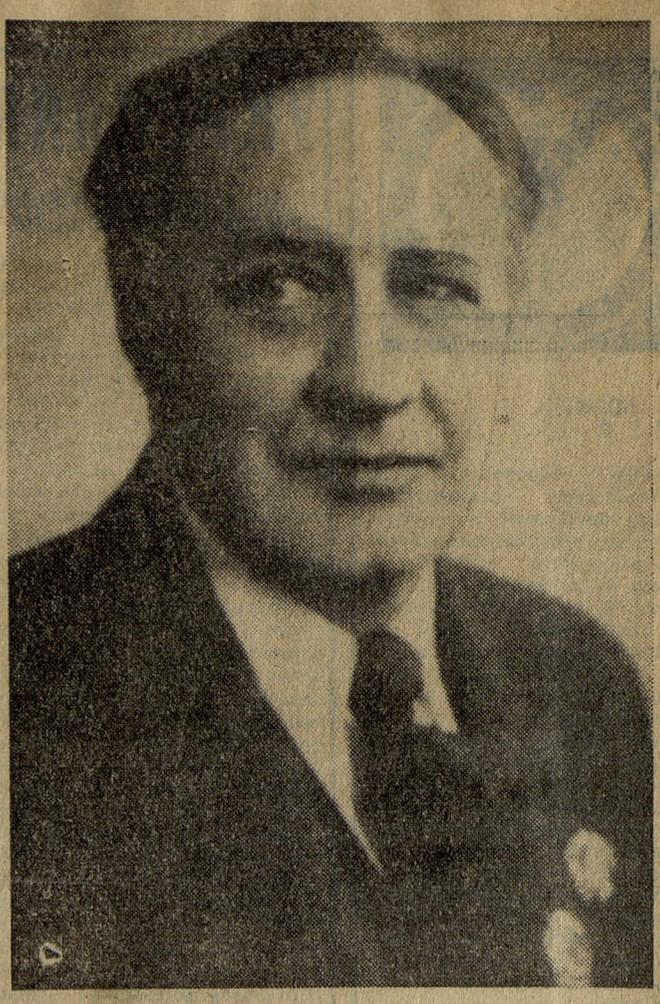

Его именем названы улицы в Москве, у нас в Вильнюсе и в других городах страны. Его имя носит Республиканский драматический театр в Казани. Его портреты являются неизменным украшением театральных музеев и учебных заведений. Комната, в которой он гримировался за кулисами Художественного театра, сохраняется работниками, как святая реликвия. О нем пишут книги. В огромном театральном мире имя его прозвучит с почтением. Все, кто знал его, не перестанут ощущать радости встречи с ним, не забудут его душевного тепла, его могучего таланта, способного зажечь яркую искру чувства и мысли в сердцах тысяч людей.

Этот человек принес в театр свежий ветер революционной романтики. Он был другом Николая Баумана, Марии Андреевой, Максима Горького. Он воплотил на сцене возвышенность чувств, благородство, которое делает человека Человеком и поднимает его над пустой и мелочной суетой, над миром мещанства.

Благородство — вот, пожалуй, главная черта актерского дарования Василия Ивановича Качалова, главная особенность его сценических образов.

В. И. КАЧАЛОВ. Снимок из личного архива автора.

СЧАСТЬЕ ВСТРЕЧИ С КАЧАЛОВЫМ

К 100-летию со дня рождения великого русского артиста

МНЕ посчастливилось видеть этого необыкновенного человека. И на сцене, и в жизни.

Помню, в начале 1947 года он шел по ул. Горького в Москве, неподалеку от знаменитого «елисеевского» магазина. Он шел медленно и величаво, как бы чуть-чуть возвышаясь над улицей. В черном меховом пальто с высоким воротником шалью и в шапке «актерке». Одной рукой он, как на посох, опирался на массивную трость, которую выбрасывал немного вперед, в другой руке держал поводок, послушная которому вперед него спокойно и важно шагала породистая собака, воспетая Есениным в его известном стихотворении «Собаке Качалова». Джим то и дело поглядывал на своего хозяина, будто желая рассказать ему что-то или посоветоваться.

Прохожие уступали дорогу актеру, приостанавливались, как замороженные, смотрели ему вслед, и отовсюду слышалось: «Качалов! Смотрите — Качалов идет!»

Да, невозможно было не остановиться, встретив этого человека. А мне, тогда юноше, не стыдно было еще и еще раз забежать навстречу Качалову и еще раз, пройдя мимо него, заглянуть в его необыкновенно красивое лицо. Он смотрел из-под пеленки мягкими, теплыми, чуть улыбающимися глазами. Если еще раз вспомнить мудрую народную поговорку о том, что глаза — зеркало души, то качаловские глаза были прекрасным свидетельством этого. В них действительно светились добро, чистота и возвышенность человеческих чувств. И в жизни, и на сцене Качалов был прекрасен...

Я вспоминаю роли, сыгранные им на сцене прославленного Московского художественного театра.

Ивар Карено в драме Гамсуна «У врат царства».

Он весь во власти своего труда, в необходимости и успех которого верит беззаветно. Он одержим. Не сомневаясь в преданности своей жены, веря в чистоту окружающих его людей, считая их такими же честными, как он сам, Ивар, не отрываясь от стола, пишет книгу. Но «чудака» преследуют неудачи, в дом черной тенью пробирается нищета. Прежний, цветущий, с искрами в глазах Ивар на наших глазах сгибается, будто на его плечи опустился тяжелый камень, который давит его все сильнее... Любимая Элина покидает Ивара. И только одна преданная ему по гроб служанка Ингеборг помогает его существованию. Пьеса заканчивается тем, что полицейские и судебные власти маленького скандинавского городка описывают пришедшее в ветхость имущество Ивара Карено за долги.

Незабываема заключительная сцена спектакля. Пришел судебный пристав, он уже в коридоре, он требует разрешения войти... «Зови, пусть войдут», — говорит Карено-Качалов прислуге. Сейчас сюда войдут, мы слышим тяжелые, тугие шаги, сейчас Ивар останется без крова, без всего. В эту роковую минуту Карено прижимает к груди, как прижимает мать к себе маленького ребенка, кипу бумаг — многолетний свой труд, в котором вся его жизнь, и, не забыв поправить старый бант на шее, гордо встает навстречу власти имущим.

Не могу вспомнить другого

примера столь глубокого и эмоционально наполненного воплощения на сцене трагической судьбы мыслящего человека, сдавленного тисками равнодушной и жестокой буржуазной машины, погибающего, но не сдающегося.

К. С. Станиславский писал: «Этот спектакль так долго сохраняется в репертуаре театра потому, что в нем блистает великолепный, неувядаемый талант Василия Ивановича Качалова. Василий Иванович так прекрасен в роли Карено, он настолько ярко передает силу человеческого духа, что всякий раз после того, как пьеса временно сходила с репертуара, она неизбежно снова возвращалась на сцену МХАТа. Спектакль «У врат царства» является прекрасным достижением искусства».

Незабываема и другая роль Качалова — От автора в спектакле «Воскресение» (инсценировка романа Льва Толстого). Он начинает свой рассказ на авансцене, на фоне мягко освещенной «Чайки» — эмблемы МХАТа. Этот рассказ — сокровенная исповедь автора, глубокая, задушевная, интимная беседа писателя с читателем, актера со зрителем. Она идет с глазу на глаз, Качалов спускается в зал, к своим слушателям, и беседует с ними так, как это бывает дома, в кругу самых близких людей. В темной толстовке, с гладко зачесанными волосами, без грима и с карандашом в руке, которым он как бы подчеркивает свои главные мысли, устремляя его то в сторону сцены, туда, где действуют персонажи романа, разворачиваются события, то прикладывая к виску, как бы в поисках подходящей, понятной всем фразы, дабы полнее донести зрителям свою мысль.

Удивительно искусно раскрывал великий артист внутреннее состояние героев произведения, помогал зрителю проникнуться этим состоянием, располагал его к искреннему и глубокому сопереживанию с Катюшей Масловой и Нехлюдовым.

Довелось мне видеть актера и в вершинной его роли: Барон в горьковском «На дне». Как непохож он был на два предыдущих образа! Барон Качалова был фигурой поистине трагической. Он вызывал не жалость и не омерзение, нет, он вызывал жгучую потребность размышлять над человеческой судьбой, желание разобраться в катастрофе этого человека «дна», он вызывал отвращение к той среде, которая породила трагедию людей, подлых Сатину и Барону, Актеру и Насте, всем обитателям ночлежки на Хитровом рынке.

Вот что пишет театровед В. Виленкин в своей книге о Качалове: «В этой пьесе, которую Качалов называл «пьесой-буревестником», он шел от еще небывалого на сцене быта, странного и бесчеловечного быта задворок жизни к современной социальной трагедии, прозвучавшей как вызов и приговор всему буржуазному самодержавному строю. Спектакль Художественного театра говорил не только о трагической судьбе обитателей ночлежки, но и о разрушении человека в мире собственничества и угнетения. Отсюда и вырвалась взрывная, бунтарская сила этого спектакля».

Качалов воплотил в образе Барона одну из самых катастрофических кривых человеческого падения в условиях обреченного общественного строя.

В работе над ролью мастер сцены использовал множество собственных наблюдений, собирал «с миру по нитке» разительные черты характера своего героя. Он предварительно «проживал» жизнь Барона, мысленно проходил через все «переодевания», о которых Барон повествует Сатину, чтобы уродливая бессмыслица неизжитого барского паразитизма еще сильнее и ярче сказалась «на дне». Как актер, он взял на себя двойное перевоплощение, спустившись в ночлежку с привычками и замашками светского человека, которые здесь, на норах и в лохмотьях, казались кричаще нелепыми.

Так, навсегда как бы влились в образ Барона развинченная фатоватая походка, каркающее грасирование, иронически-презрительные тягучие интонации, какое-то дурацкое привычное охорашивание светского жуира и эта знаменитая рваная перчатка, которую он так элегантно натягивал на грязные пальцы. В совершенно органическом переплетении с ухватками шулера, злобной грубостью пропойцы и наглостью сутенера — все это приобрело остроту гротеска. Но в этот гротеск актер вносил неожиданную и потрясающую ноту трагически беспомощного недоумения перед лицом бессмысленно прожитой, бездарно растроченной, затоптанной и заплеванной жизни. В страшном вопле отчаяния «А ведь зачем-нибудь я родился... а?», в застывшем взгляде водянистых глаз была подлинно горьковская кульминация образа.

— Я и не подозревал, что написал такую чудную роль, — говорил Горький по поводу Барона после премьеры «На дне». — Качалов ее выдвинул и развил и объяснил великолепно.

За 40 лет работы в Художественном театре Качалов сыграл около пятидесяти ролей. Это: сказочный Берендей в «Снегурочке» А. Н. Островского и шекспировский Гамлет, Иван Карамзов в инсценировке романа Ф. М. Достоевского и Чацкий в «Горе от ума» А. С. Грибоедова, и фабрикант Захар Бардин в пьесе А. М. Горького «Враги», и вождь сибирских партизан Вершинин в драме Всеволода Иванова «Бронепоезд 14-69». Беззаветно любил Качалов драматургию А. П. Чехова. Незабываемы его Тузенбах в «Трех сестрах», Тригорин в «Чайке», Войничкий в «Дяде Ване», Иванов в одноименной драме. В «Вишневом саду» Василий Иванович играл в разное время три роли: Петю Трофимова, Епихонова и Гаева.

В конце этих заметок хочется вспомнить эпизод из рассказов-воспоминаний Ираклия Андроникова, с которыми он недавно выступил по телевидению.

Алексей Толстой как-то сказал Качалову: — Вы несчастливый человек.

— Почему? — удивился Качалов.

— Потому, что Вы лишены возможности видеть и слышать себя.

А видеть и слышать Вас — великое счастье!

— Я — счастливый человек: я видел и слышал Качалова.

Д. ВАЙЛЬ.

Редактор В. ХАДЗЯВИЧЮС.